

ПУБЛИЧНОЕ И ЧАСТНОЕ ПРАВО: ПРИКЛАДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 343.34

Кризис и палингенезис (перерождение) уголовного права в условиях цифровизации

Е. А. Русскевич, А. П. Дмитренко, Н. Г. Кадников

Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации
имени В. Я. Кикотя,

Российская Федерация, 117997, Москва, ул. Академика Волгина, 12

Для цитирования: Русскевич, Евгений А., Андрей П. Дмитренко, Николай Г. Кадников. 2022. «Кризис и палингенезис (перерождение) уголовного права в условиях цифровизации». *Вестник Санкт-Петербургского университета. Право* 3: 585–598.
<https://doi.org/10.21638/spbu14.2022.301>

Статья посвящена механизму уголовно-правовой охраны в условиях цифровизации, осмыслению его настоящего и возможного будущего. Доказывается, что влияние экспоненциальных и комбинаторных технологических изменений привело к кризису уголовного права, выражающемуся в его неспособности выполнять базовые функции ввиду перманентного и динамичного внешнесредового воздействия. Авторы выделяют следующие фундаментальные положения, на которые нужно опираться при принятии решений о модернизации уголовного закона: появление нового (информационного) способа совершения преступления не свидетельствует априорно о том, что он является более опасным, чем традиционный, а во многом указывает на проблему отставания социального контроля от развития общества и изменения преступности; адаптирование норм уголовного закона к условиям информационного общества не должно быть связано с конструированием «цифровых двойников» традиционных уголовно-правовых запретов; внесение соответствующих поправок в содержание норм обосновано только в тех случаях, когда адаптационная емкость уголовного законодательства к цифровой преступности исчерпывает себя; признание использования информационных технологий квалифицирующим признаком преступления в целом должно соответствовать выделяемым в науке критериям дифференциации уголовной ответственности. В статье отдельно обосновывается, что появление «цифровой личности» завершит начавшийся переход от традиционного уголовного права индустриального общества XX в. к уголовному праву цифрового мира XXI в. («уголовному праву 2.0»).

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2022

Прежде всего это объясняется тем, что искусственный интеллект и «цифровая личность» принципиально изменят сферу уголовно-правовой охраны. Впервые в истории законодателю предстоит решить задачу включения такого субъекта в систему уголовно-правовых отношений.

Ключевые слова: уголовное право, уголовная политика, информатизация, информационные технологии, информационная безопасность, компьютерные преступления.

1. Введение

Современное уголовное право представляет собой результат многовекового развития доктрины, законотворческой практики и правоприменения. Реагируя на эволюционные изменения общественных отношений, фундаментальные преобразования в экономике, политике и культуре, уголовное право прирастало новыми категориями и конструкциями, оставляя позади то, что с течением времени утрачивало прежнее значение. В сущности, развитие уголовного права всегда было линейным и следовало изменяющимся потребностям своего главного объекта охраны — человека.

Людям свойственно относиться к будущему как к продолжению настоящего. Линейность мышления основывается на общем допущении, что тот порядок, который мы имеем сейчас, сохранится, хотя и в несколько измененной форме. Подобная логика, конечно же, наблюдается и в представлении о развитии уголовного права.

Однако наше настоящее, подверженное колоссальному влиянию экспоненциальных и комбинаторных технологических изменений, позволяет предположить, что будущее предстанет чем-то совершенно иным. Как никогда ранее, ощущается, что технологии обратного проектирования человеческого мозга приведут к созданию искусственного интеллекта и, соответственно, к появлению «разумных машин», а также обеспечат продолжение жизни человека в цифровой форме. Само по себе это станет точкой невозврата, когда наши тела перестанут быть центром нашей идентичности (Леонгард 2018, 69).

Методологический инструментарий настоящего исследования представлен комплексным сочетанием философских, обще- и частнонаучных средств познания. Философско-мировоззренческую основу работы составили такие идеалы и ценности, как верховенство права, правовое государство, деление права на частное и публичное и др. Диалектический метод познания позволил выделить и описать объективную зависимость трансформации уголовно-правового механизма охраны общественных отношений от воздействия процессов цифровизации на сферу права в целом. Из общенаучных методов научного познания использованы анализ, синтез, дедукция, индукция, классификация, структурно-функциональный и др. Особое значение в методологии статьи отведено системному методу, а также методу диалектического материализма, которые выступают исходной посылкой при решении всех поставленных исследовательских задач в анализе и решении указанной проблемы.

2. Основное исследование

2.1. Кризис уголовного права в условиях цифровизации

Люди обращают в цифру все, что может быть виртуализировано. На первоначальном этапе это затронуло музыку, фильмы, книги, газеты и т. п. Сейчас данный процесс охватил кредитно-финансовый сектор, страхование, здравоохранение и транспорт. Закономерно, что привычные объекты преступных посягательств последовательно приобретают дополнительное (цифровое) измерение. Юридическая практика уже привыкла к цифровым аналогам почтовых сообщений, объектов интеллектуальной собственности, денежных средств, ценных бумаг, платежных карт, официальных документов и др. Квалификация преступных посягательств на такие предметы в рамках действующего уголовного законодательства не вызывает значимых затруднений у правоприменителей.

Однако нарастающая цифровизация социальных отношений заставляет обратить внимание на совокупность системных противоречий, которые возникают между «диджитализированной» преступностью XXI в. и классическим механизмом уголовно-правового противодействия (Русскевич 2019, 17).

Проблематика информационного (цифрового) общества разрабатывалась целым рядом отечественных и зарубежных специалистов, которые отмечают, что общество цифрового мира сочетает в себе такие фундаментальные инновации, как искусственный интеллект, роботизацию, «интернет вещей» (Internet of Things, IoT), трехмерную печать и др. (Шваб 2018, 9). Изложение различных мнений о признаках, критериях, принципах построения и влиянии информационного общества на политические, экономические и социокультурные условия жизни человека могло бы занять десятки страниц и видится не столь уж необходимым, поскольку фундаментальные аспекты информационного общества зафиксированы на уровне ряда международных и национальных документов стратегического значения.

Если обобщить содержание подобных документов и мнения отдельных специалистов, можно выделить следующие основополагающие характеристики информационного общества:

- массовое распространение информационно-коммуникационной инфраструктуры и появление на этой основе информационной культуры у населения (в том числе навыков по эксплуатации информационных сетей);
- формирование единого информационного пространства, позволяющего практически без ограничений не только искать, получать информацию, но и осуществлять ее распространение;
- существенное изменение национальных процессов политического управления ввиду мощного влияния субъектов, осуществляющих информационно-коммуникационное воздействие на государственные управленческие системы на глобальном (наднациональном) уровне;
- сращивание экономики с информационно-коммуникационной инфраструктурой, переходящей в зависимость уровня экономического развития государства от темпов внедрения передовых информационных технологий в деятельность хозяйствующих субъектов;

- формирование устойчивого социального запроса на обеспечение информационной безопасности для защиты интересов личности, общества и государства в информационной сфере.

В целом информационное общество характеризуется тем, что определяющими культурно-историческими орудиями, опосредующими деятельность и общение отдельных его членов и групп, являются компьютер, мобильный телефон, иные цифровые устройства, интернет, социальные сети и т. д., т. е. объекты информационно-коммуникационной инфраструктуры.

Цифровая революция не могла не повлиять на преступность, не изменить ее содержание. Проведенное исследование позволяет говорить о следующих шести сущностных свойствах преступлений, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий:

- *экстерриториальность* — транснациональный характер компьютерной преступности является наиболее очевидным и одновременно обсуждаемым признаком; глобальная доступность информационно-коммуникационных услуг означает, что преступность в информационном пространстве естественным образом имеет экстерриториальное измерение;
- *виртуальность* — информационно-коммуникационная среда выступает краеугольным признаком данной преступности; обеспечивая анонимность и физическую дистанцию от непосредственного потерпевшего, виртуальное пространство становится значимым преимуществом и одновременно мощной детерминантой совершения преступления; в отличие от реального мира, виртуальность снимает многие психологические барьеры на пути к осуществлению преступной деятельности, прежде всего в связи с поддержанием у преступника чувства (и не всегда ложного) личной безопасности;
- *гипертаргетированность* — преступлениям, совершаемым с использованием современных информационно-коммуникационных технологий, как никаким другим, свойственна нацеленность сразу на многих потерпевших и способность вызывать целые цепи многоуровневых общественно опасных последствий; при крупных вирусных атаках на финансовый сектор или банковские счета отдельных хозяйствующих субъектов или физических лиц количество потерпевших может измеряться сотнями и даже тысячами (Грачева, Маликов, Чучаев 2020, 196); так, компьютерная атака с использованием компьютерного вируса-шифровальщика WannaCry началась 12 мая 2017 г. и за достаточно короткое время поразила свыше 500 тыс. компьютеров в 150 странах¹; здесь следует сослаться на известную теорему Станислава Лема, согласно которой по мере технологического прогресса неуклонно возрастает разрушительная мощь малых групп; еще в начале 1960-х годов Лем предсказал, что в XXI в. новая производственная революция создаст условия, когда не только криминальные группы, но и отдельные преступники смогут ставить под угрозу нормальное функционирование и жизнь населения мегаполисов и даже государств (Лем 1968, 43);

¹ «Рету атакует: что известно о новых массовых кибервзломах». РБК. 27.06.2017. Дата обращения 13 апреля, 2022. https://www.rbc.ru/technology_and_media/27/06/2017/59528a7a9a7947235dce7803.

- *мультипликативность* — предыдущий признак во многом основывается на таком свойстве компьютерной преступности, как способность к самовоспроизводству; наиболее ярко данный признак проявляется на примере распространения вредоносных компьютерных программ; вирусная атака на конкретную организацию благодаря особенностям архитектуры глобальной информационной сети Интернет может обернуться колоссальными последствиями не только для отдельно взятой страны, но и для целой группы государств; компьютерный вирус, распространяясь по открытым каналам связи уже без участия человека, будет поражать все доступные ему цели, включая объекты социального обеспечения (больницы, школы и т. д.) и государственного управления; другая сторона свойства мультипликативности — то, что появление какой-либо формы виртуальной преступной деятельности, как правило, вызывает новые посяательства на отношения информационной безопасности; например, появление нового компьютерного вируса с нетипичным способом распространения порождает всплеск целевых атак на защищенные информационные ресурсы как отдельных граждан, так и государства;
- *сверхизменчивость* — появление новой IT-технологии на массовом рынке товаров или услуг практически незамедлительно оборачивается очередной «перезагрузкой» преступности; злоумышленники оценивают новации как поле очередных возможностей для совершения атак на граждан или организации; технологии совершенствуются стремительно и непрерывно, что обуславливает такой же динамичный и перманентный процесс цифрового обновления преступности, когда какие-то относительно устоявшиеся формы виртуальной преступной деятельности уходят в небытие и замещаются другими;
- *системная латентность (гиперлатентность)* — компьютерная преступность практически не поддается внятному количественному измерению; объяснение этому имеет комплексный характер: противоречия действующего нормативного регулирования, несовершенство правоприменительной деятельности и механизмов статистического учета, массовое несообщение о причинении вреда самими потерпевшими, а также бесчисленность и постоянно видоизменяющаяся природа цифровой преступности (Русскевич 2020, 44–47).

На современном этапе значительные сложности возникают при оценке посятельств на общественные отношения, складывающиеся в связи с реализацией прав человека в виртуальном пространстве (Fortes, Boff 2017, 22) либо в сфере использования нетипичных объектов (цифровых вещей, криптовалют и др.), а равно сопряженных с погружением в виртуальное пространство субъектов государственного управления (Viano 2016, 5). Так, возникает вопрос о возможности применения уголовно-правовой нормы об ответственности за клевету (ст. 128¹ Уголовного кодекса РФ от 13.06.1996 № 63-ФЗ² (УК РФ)) к случаям распространения заведомо порочащих сведений о так называемой цифровой личности, т. е. о гипертекстовых

² Здесь и далее все ссылки на российские нормативно-правовые акты и судебную практику приводятся по СПС «КонсультантПлюс». Дата обращения 13 апреля, 2022. <http://www.consultant.ru>.

компонентах сетевого облика индивида, формируемого им в рамках онлайн-среды с целью самопрезентации. Понятно, что говорить о наличии чести и достоинства у «цифровой личности» можно весьма условно, подразумевая их только у реального носителя подобных качеств, т.е. человека — владельца соответствующего никнейма. Механизм уголовно-правовой охраны не срабатывает во многих других случаях, связанных с посягательствами на отношения, опосредуемые современными информационно-коммуникационными технологиями. В соответствии с УК РФ можно квалифицировать как преступление неправомерный доступ к личной странице другого человека в социальной сети, однако весьма затруднительно дать правовую оценку созданию и использованию подобной страницы от имени другого человека без его согласия. Вместе с тем такие действия могут причинить существенный вред правам и законным интересам личности, повлиять на принятие решений, касающихся трудоустройства, продвижения по службе и т.п. Равным образом положения действующего уголовного законодательства не дают внятного ответа на вопрос о квалификации использования технологий реконструкции лица другого человека в режиме реального времени (технологий замены лиц) (McDaniel 2018, 153). Такое программное обеспечение позволяет «похищать» лицо другого человека, использовать его при изготовлении тех или иных материалов (условно компрометирующих или даже порнографических).

Системные изменения общественных отношений под влиянием цифровизации, а также проникновение кибернетических методов и инструментария информационно-коммуникационных технологий в механизм преступления уже сейчас позволяют сделать вывод о кризисе уголовного права, выражающемся в неспособности выполнять свои базовые функции ввиду перманентного и динамичного внешнесредового воздействия.

Можно выделить следующие фундаментальные положения, на которые нужно опираться для преодоления указанного кризиса и принятия решения о модернизации уголовного закона:

- появление нового (информационного) способа совершения преступления не свидетельствует априорно о том, что он более опасен, чем традиционный, а во многом указывает на проблему отставания социального контроля от развития общества и изменения преступности;
- адаптирование норм уголовного закона к условиям информационного общества не должно быть связано с конструированием «цифровых двойников» традиционных уголовно-правовых запретов; такая модернизация уголовного законодательства неминуемо приведет к избыточному дублированию его положений, выражающемся в наличии значительного количества норм, конкурирующих друг с другом исключительно на стыке проблемы разграничения виртуального и реального в праве; в этой части значимым направлением адаптирования уголовного-правового механизма к противодействию преступлениям, совершаемым с использованием информационных технологий, является преодоление традиционного — не цифрового — восприятия уголовного права;
- внесение соответствующих поправок в содержание норм обоснованно только в тех случаях, когда адаптационная емкость уголовного законода-

- тельства к проявлениям цифровой преступности исчерпывает себя и толкование нормы выходит за пределы смысла закона, восполняя системный семантический пробел, что свидетельствует уже об аналогии закона или об аналогии права, которые в соответствии со ст. 3 УК РФ запрещены;
- признание использования информационных технологий квалифицирующим признаком преступления в целом должно соответствовать выделенным в науке критериям дифференциации уголовной ответственности; к обязательным основаниям для принятия такого решения относятся следующие: а) необходимость признания использования таких технологий квалифицирующим признаком преступления установлена нормами международного права; б) использование информационных технологий приобрело значительную распространенность при совершении преступления и существенным образом повлияло на состояние защищенности прав и законных интересов граждан, охраняемых законом интересов общества и государства (Русскиевич 2020, 205–206).

2.2. Палингенезис (перерождение) традиционного уголовного права индустриального общества XX века в уголовное право цифрового мира XXI века

В настоящее время ученые по всему миру прилагают значительные усилия для развития новых технологий в сфере искусственного интеллекта, что позволит вывести жизнь на совершенно новый уровень. Существующие нормы права не в полной мере соответствуют приходящему уровню развития технологий в силу того, что не охватывают в полной мере те перспективные общественные отношения, которые уже в обозримом будущем могут сложиться с развитием искусственного интеллекта и внедрением других (смежных) технологий в жизнь граждан и функционирование государства. Это касается и норм уголовного законодательства, которые в нынешнем виде будут несообразны с новыми видами общественно опасных посягательств.

До настоящего времени в российской судебной-следственной практике отсутствуют вступившие в законную силу решения по делам о совершении преступлений с использованием искусственного интеллекта. Вместе с тем в отдельных случаях подсудимые ставили вопрос о переквалификации содеянного, в том числе по причине использования технологий искусственного интеллекта при совершении преступления.

Так, М. была осуждена за покушение на сбыт наркотических средств в крупном размере с использованием информационно-телекоммуникационной сети Интернет группой лиц по предварительному сговору. В апелляционной жалобе осужденная ссылалась на то, что приговор суда является незаконным, а выводы о том, что она действовала с кем-либо совместно и в группе, необоснованными. М. указала, что переписка осуществлялась с чат-ботом, т. е. искусственным интеллектом, который нанял ее на работу, поручал проведение операций по раскладке и фотографированию тайников с наркотиками. На этом основании М. просила изменить приговор в связи с неправильным применением уголовного закона, исключить из обвинения квалифи-

цирующий признак — совершение преступления в группе лиц по предварительномуговору, снизить размер наказания. Суд, рассмотрев доводы осужденной и ее защиты, посчитал их несостоятельными³.

П. также был осужден за незаконный сбыт наркотических средств с использованием информационно-телекоммуникационной сети Интернет, совершенный группой лиц по предварительномуговору. В апелляционной жалобе П. указывал на то, что квалифицирующий признак — группа лиц по предварительномуговору — не подтвержден доказательствами, поскольку с лицом под ником Жрица Исида лично не знаком, переписывался с ним посредством социальной сети и считает, что данное лицо является искусственным интеллектом, в связи с чем обвинение в данной части беспочвенно, поскольку данное лицо — неодушевленный предмет. Суд, отказывая в удовлетворении жалобы, указал: «Доводы осужденного о невозможности вступления в предварительныйговор с “искусственным разумом” судебная коллегия находит надуманными. Договоренность П. на совершение преступления была достигнута именно с физическим лицом, использующим ник Жрица Исида, что подтверждается перепиской, имеющейся в телефоне П. При этом неустановление в ходе предварительного следствия конкретного лица, использующего ник Жрица Исида, не опровергает выводы суда, что П. действовал именно группой лиц по предварительномуговору»⁴.

Как следует из приведенных решений, подсудимые весьма обоснованно ставят вопрос о том, правильно ли признавать соучастием преступное взаимодействие, которое реализовывалось не по типу «человек — человек», а по типу «человек — искусственный интеллект (чат-бот)». Понятно, что сам по себе чат-бот, вовлекающий желающих в преступную деятельность и поддерживающий с ними переписку при совершении конкретных преступлений, функционирует по алгоритму, разработанному другим физическим лицом. Вместе с тем вполне очевидно, что такая модель взаимодействия не в полной мере выявляет наличие двусторонней психической связи между физическими лицами — условие, необходимое для констатации соучастия.

Появление технологии эмуляции биологического мозга человека ознаменует возможность совершенно новой формы жизни, когда само понятие о человеке больше не будет связано с его биологической оболочкой. Понятно, что эта жизнь в облаке потребует такой же уголовно-правовой защиты, как и в реальном физическом мире, поскольку здесь мы имеем дело не просто с компьютерным кодом, а с человеком. В результате придется пересмотреть саму концепцию потерпевшего от преступления и распространить действие традиционных уголовно-правовых запретов (об убийстве, похищении человека, торговле людьми, клевете и др.) на все посягательства против «цифровой личности». Сам момент наступления смерти человека потеряет свое исключительно биологическое определение, получив дополнительное содержание в том, что в настоящее время именуется заурядным уничтожением компьютерной информации.

³ Апелляционное определение Верховного суда Республики Башкортостан от 18.03.2021 № 22-1024/2021.

⁴ Апелляционное определение Забайкальского краевого суда от 22.03.2021 по делу № 22-625/2021.

Смежной проблемой выступает защита субъектов, которые будут обладать человекоподобным сознанием небиологического происхождения. Обращаясь к данному вопросу, один из самых известных профессиональных футурологов современности, технический директор компании Google Рэй Курцвейл пишет: «Сегодня мало кто беспокоится по поводу страданий, причиняемых нами компьютерным программам (зато мы часто жалуемся на муки, которые компьютерные программы доставляют нам), но если в будущем компьютерное обеспечение получит интеллектуальные, эмоциональные и моральные качества человека, на этом месте возникнет проблема. <...> [Программы] станут неотличимы от живого человека, которого мы считаем сознательным существом, и, следовательно, будут разделять все те духовные ценности, что мы связываем с сознанием. Это не унижение достоинства человека, а, скорее, возвышение нашей оценки (некоторых) машин будущего. Возможно, для этих существ понадобится выбрать другую терминологию, поскольку это будут совсем другие машины» (Курцвейл 2019, 244, 256).

Постепенное включение искусственного интеллекта во все сферы жизни человека привело к появлению понятия «электронное лицо». Впервые предложение по использованию данного понятия было зафиксировано в подп. «f» п. 59 Резолюции Европейского парламента вместе с рекомендациями Комиссии по гражданско-правовому регулированию в сфере робототехники Европейского парламента от 16.02.2017 «Нормы гражданского права о робототехнике»⁵. Также в данном документе авторы выделили возможность наделения юнитов искусственного интеллекта самостоятельностью и особым правовым статусом — «электронное лицо».

В декабре 2017 г. в США был разработан Закон «Об основополагающем понимании применимости и реалистичной эволюции искусственного интеллекта» (Закон о будущем искусственного интеллекта), в котором было сформулировано определение искусственного интеллекта и дано описание систем, которые могут являться таковыми. Кроме того, в законопроекте приведено понятие «общий искусственный интеллект» — система искусственного интеллекта будущего, которая, подобно человеку, демонстрирует интеллектуальное, социальное и когнитивное поведение, а также обладает эмоциями⁶.

Разумеется, вопрос о модели уголовно-правовой охраны таких «умных машин» целиком зависит от выражения позиции всего человечества (полагаем, в лице универсальных международных организаций) относительно их природы и статуса. Будут ли подобные сущности признаны равными человеку, т. е. новой небиологической формой разумной жизни, или в целом их положение окажется сравнимым, например, с животными, уголовно-правовую охрану которых мы реализуем в контексте защиты общественной нравственности, предсказать достаточно сложно. С высокой долей вероятности возможен смешанный сценарий, когда в зависимости от уровня воспроизведения интеллектуальных и эмоциональных качеств человека такие киберфизические системы определяют в правовом поле дифференциро-

⁵ European Parliament Resolution of 16 February, 2017 with recommendations to the Commission on Civil Law Rules on Robotics (2015/2103(INL)). Дата обращения 25 ноября, 2020. https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-8-2017-0051_EN.html.

⁶ H.R.4625 — Future of Artificial Intelligence Act of 2017, 115th Congress (2017–2018). Introduced 12.12.2017. Дата обращения 25 ноября, 2020. <https://www.congress.gov/bill/115th-congress/house-bill/4625/text>.

вано — как равные человеку, т. е. полноценные участники общественных отношений, новые субъекты права, и как автоматизированные системы с ограниченными функциями (способностями) искусственного интеллекта, т. е. как высокотехнологичные устройства, вещи.

Появление «цифровой личности», на наш взгляд, завершит начавшийся переход от традиционного уголовного права индустриального общества XX в. к уголовному праву цифрового мира XXI в. («уголовному праву 2.0»). Прежде всего это объясняется тем, что искусственный интеллект и «цифровая личность» принципиально изменят сферу уголовно-правовой охраны.

Переход к уголовному праву нового поколения окажется связанным с изменением наших представлений о ключевом признаке преступления — общественно опасном деянии. С появлением «цифровой личности» оно потеряет человекоцентричную физическую интерпретацию. Можно будет говорить о деянии применительно к любым манипуляциям с компьютерной информацией, совершаемой «цифровой личностью». Эта «деятельность», в результате которой могут пострадать как члены физического, так и облачного мира, станет новой цифровой формой общественно опасного поведения субъекта преступления.

Аналогичный модифицирующий процесс реализуется и в отношении таких объективных признаков, как место, обстановка, орудие и средство совершения преступления. Предположим, что в обозримом будущем один из руководителей компании, похитивший ее денежные средства, был на момент совершения деяния уже не физическим, а цифровым лицом. Находясь в облачном мире, имея необходимый доступ к управлению финансовыми ресурсами организации, осуществляющей свою деятельность в физическом мире, «цифровая личность» совершила незаконные транзакции и скрылась в плохо контролируемых секторах глобального информационного пространства или осуществила «выгрузку» себя из облака в киберфизическую систему (робота). Возникает вопрос: где было совершено данное преступление? Понятно, что общей констатации того очевидного факта, что деяние было осуществлено в виртуальном пространстве, окажется недостаточно, нужно будет найти механизмы описания этого «места» в облачном мире.

Ключевым индикатором перехода к «уголовному праву 2.0» станет изменение традиционного представления о субъекте и субъективной стороне преступления.

При внешней автономности такие машины являются и останутся не чем иным, как орудиями в руках человека. Следовательно, за вред, причиненный в процессе их использования, ответственность должен нести либо владелец, либо разработчик. Здесь срабатывает традиционная модель реализации ответственности в отношении субъекта, поведение которого (активное или пассивное) во взаимодействии со сложной технологической системой стало непосредственной причиной наступления негативных последствий. Вместе с тем «цифровая личность» и искусственный интеллект (в любой форме), несомненно, будут самостоятельными носителями интеллектуально-волевых качеств человека, т. е. полноценными субъектами права. Это означает, что они же должны быть признаны и субъектами уголовной ответственности. Таким образом, теория уголовного права о субъекте преступления перейдет на принципиально новый этап развития, когда субъектом преступления будет признаваться не только физическое и/или юридическое лицо, но и клон

физического лица в цифровой форме, а также небιологический субстрат человека с искусственным интеллектом (Бегишев 2022, 5).

Расширение представлений о субъекте закономерно породит проблему пересмотра таких категорий, как вина, мотив и цель совершения преступления. Психологическая теория вины останется приемлемой только для физических представителей Homo Sapiens. Для искусственного интеллекта и физических лиц, продолживших жизнь в цифровой форме (Homo Deus⁷), она может быть применена лишь при использовании своего рода юридической фикции, когда мы договоримся, что такие субъекты также обладают психикой, позволяющей им «осознавать, предвидеть и желать». Однако, как показано выше, этот вопрос прежде всего необходимо поставить и решить в отношении лиц, продолживших жизнь в цифровом мире.

Конечно же, в современных условиях обозначенную проблему палингенезиса уголовного права можно причислить к неактуальным или даже надуманным. В таком подходе есть неоправданное пренебрежение объективно развивающимися процессами. Радикальные изменения технологий происходят на наших глазах. Вчерашние фантастические проекты отдельных ученых сегодня становятся реальным предметом работы инновационных компаний, а уже завтра окажутся обыденным явлением, без которого невозможна жизнь отдельного человека. Так было с персональными компьютерами и интернетом, то же самое может произойти с технологиями цифрового воспроизведения и управления разумом человека.

3. Выводы

Невозможно точно предсказать, каким окажется будущее. Вместе с тем одно представляется очевидным: технологии станут гораздо глубже и прочнее вплетенными в нашу повседневную жизнь. В гиперподключенном мире уголовно-правовые риски возрастут многократно. За многочисленные устройства и приложения, существенно облегчающие жизнь, человечеству придется заплатить появлением цифровой преступности, которая будет активно эксплуатировать достижения четвертой промышленной революции.

Прогресс в области развития «интернета вещей» завораживает. Появление автономных транспортных средств и концепция возможного будущего — запрограммированного безаварийного и бесконфликтного дорожного движения — формируют оптимистичную картину всеобщей безопасности. Но в то же время достаточно ясно просматриваются и те потенциальные катастрофические последствия, которые могут наступить в случае, если кто-либо неправомерно получит доступ к такой системе и изменит ее настройки хотя бы на несколько минут.

Интернет и цифровые технологии, цифровизация преступности, уже сейчас оказывают влияние на отечественное уголовное право. Однако можно сказать определенно: это только начало. Следующие годы принесут гораздо большие практические сложности реализации механизма уголовно-правовой охраны.

По мере того как формируется глобальный и взаимоподключенный мир, потребуется проанализировать и пересмотреть отдельные подходы к противодей-

⁷ Юваль Ной Харари в работе «Homo Deus. Краткая история будущего» пишет о том, что развитие технологий искусственного интеллекта обусловит процесс превращения человека разумного в человека-бога — Homo Deus (Харари 2022).

ствию преступности. Вместе с тем крайне важно, чтобы «оцифровка» отечественного уголовного права не привела к разрушению субстанциональных признаков отрасли. Значимым направлением приспособления уголовно-правового механизма к противодействию преступлениям, совершаемым с использованием информационно-коммуникационных технологий, на наш взгляд, является преодоление «традиционного», «не цифрового», восприятия уголовного права. Это довольно сложная и многоаспектная проблема, которая касается не только подготовки кадров в образовательных учреждениях и повышения квалификации действующих сотрудников правоохранительных органов.

Сущностными особенностями преступлений, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий, являются экстерриториальность, виртуальность, гипертаргетированность, мультипликативность, сверхизменчивость, системная латентность (гиперлатентность).

С учетом стремительной цифровизации общественных отношений можно сделать вывод о деструктивном воздействии информационно-коммуникационных технологий на механизм уголовно-правовой охраны (дизрупции уголовного права).

Появление «цифровой личности» завершит начавшийся переход от традиционного уголовного права индустриального общества XX в. к уголовному праву цифрового мира XXI в. («уголовному праву 2.0»). Прежде всего это объясняется тем, что искусственный интеллект и «цифровая личность» принципиально изменят сферу уголовно-правовой охраны.

Переход к уголовному праву нового поколения будет связан с изменением наших представлений об основном признаке преступления — общественно опасном деянии. С появлением «цифровой личности» оно потеряет свою человекоцентричную физическую интерпретацию.

Сложность процесса цифровизации уголовно-правовой сферы предполагает повышенную ответственность научного сообщества, которое должно обеспечить надлежащий уровень осмысления формирующихся тенденций. Предпринятая в настоящей статье попытка предсказать развитие уголовного права, конечно же, не претендует на абсолютность, носит субъективный, а значит, и вероятностный характер. Вместе с тем не вызывает сомнений, что совместные усилия философов, социологов, специалистов в сфере высоких технологий и юристов дадут возможность получения достаточно точного прогноза эволюции уголовного права в условиях цифровой реальности.

Библиография

- Бегишев, Ильдар Р. 2022. *Уголовно-правовая охрана общественных отношений, связанных с робототехникой*. М.: Проспект.
- Грачева, Юлия В., Сергей В. Маликов, Александр И. Чучаев. 2020. «Предупреждение девиаций в цифровом мире уголовно-правовыми средствами». *Право. Журнал Высшей школы экономики* 1: 188–210.
- Курцвейл, Рэй. 2019. *Эволюция разума или бесконечные возможности человеческого мозга, основанные на распознавании образов*. М.: Эксмо.
- Лем, Станислав. 1968. *Сумма технологий*. М.: Мир.
- Леонгард, Герд. 2018. *Технологии против человека*. М.: АСТ.
- Русскевич, Евгений А. 2019. *Уголовное право и «цифровая преступность»: проблемы и решения*. М.: ИНФРА-М.

- Русскевич, Евгений А. 2020. «Дифференциация ответственности за преступления, совершаемые с использованием информационно-коммуникационных технологий, и проблемы их квалификации». Дис. ... д-ра юрид. наук, Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В. Я. Кикотя.
- Харари, Юваль Н. 2022. *Ното Deus. Краткая история будущего*. М.: Синдбад.
- Шваб, Клаус. 2018. *Четвертая промышленная революция*. М.: Эксмо.
- Fortes, Vinicius B., Salette O. Boff. 2017. "An analysis of cybercrimes from a global perspective on penal law". *Revista Brasileira de Direito* 13 (1): 7–24.
- McDaniel, Brandon. 2018. "An in-depth look into cybercrime". *Themis: Research Journal of Justice Studies and Forensic Science* 6 (1): 148–162.
- Viano, Emilio C. 2016. "Cybercrime: Definition, typology, and criminalization". *Cybercrime, Organized Crime, and Societal Responses*, 3–22. Cham: Springer.

Статья поступила в редакцию 29 января 2021 г.;
рекомендована к печати 27 мая 2022 г.

Контактная информация:

Русскевич Евгений Александрович — д-р юрид. наук; russkevich@mail.ru

Дмитренко Андрей Петрович — д-р юрид. наук, проф.; stvkup@yandex.ru

Кадников Николай Григорьевич — д-р юрид. наук, проф.; krim-pravo@yandex.ru

Crisis and palingenesis (rebirth) of criminal law in the context of digitalization

E. A. Ruskevich, A. P. Dmitrenko, N. G. Kadnikov

Moscow University Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V. Ya. Kikotya,
12, ul. Akademika Volgina, Moscow, 117997, Russian Federation

For citation: Ruskevich, Evgeniy A., Andrey P. Dmitrenko, Nikolay G. Kadnikov. 2022. "Crisis and palingenesis (rebirth) of criminal law in the context of digitalization". *Vestnik of Saint Petersburg University. Law* 3: 585–598. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2022.301> (In Russian)

The article reveals how the influence of exponential and combinatorial technological changes has led to a crisis in criminal law, expressed in the inability to perform its basic functions due to impact of a permanently dynamic external environmental. The authors highlight the following fundamental provisions that should be used when making decisions on modernizing criminal law: the emergence of a new (informational) method of committing a crime does not a priori indicate that it is more dangerous than traditional forms, but in many respects indicates the problem of social control lagging behind the development of society and changes in crime; the adaptation of norms of the criminal law to conditions of the information society should not be associated with constructing "digital twins" of traditional criminal law prohibitions; the introduction of appropriate amendments to the content of norms is justified only in cases where the adaptive capacity of criminal legislation to digital crime exhausts itself; the recognition of the use of information technologies as a qualifying feature of a crime in general must comply with the criteria for differentiating criminal liability justified in science. The article separately substantiates that the emergence of a "digital personality" will complete the beginning of the transition from the traditional criminal law of the industrial society of the 20th century to the criminal law of the digital world of the 21st century (Criminal Law 2.0). This is due to the fact that artificial intelligence and "digital personality" will fundamentally change the scope of criminal law protection.

Keywords: criminal law, criminal policy, informatization, information technology, information security, computer crime.

References

- Begishev, Ildar R. 2022. *Criminal law protection of public relations related to robotics*. Moscow, Prospect Publ. (In Russian)
- Fortes, Vinicius B., Salet O. Boff. 2017. "An analysis of cybercrimes from a global perspective on penal law". *Revista Brasileira de Direito* 13 (1): 7–24.
- Gracheva, Iuliia V., Sergei V. Malikov, Aleksandr I. Chuchaev. 2020. "Prevention of deviations in the digital world by criminal means". *Pravo. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki* 1: 188–210. (In Russian)
- Harari, Yuval N. 2022. *Homo Deus. Brief history of the future*. Rus. ed. Moscow, Sindbad Publ. (In Russian)
- Kurzweil, Ray. 2019. *Evolution of the mind or infinite possibilities of the human brain based on pattern recognition*. Rus. ed. Moscow, Eksmo Publ. (In Russian)
- Lem, Stanislav. 1968. *The sum of technologies*. Rus. ed. Moscow, Mir Publ. (In Russian)
- Leonhard, Gerd. 2018. *Technologies against man*. Rus. ed. Moscow, AST Publ. (In Russian)
- McDaniel, Brandon. 2018. "An in-depth look into cybercrime". *Themis: Research Journal of Justice Studies and Forensic Science* 6 (1): 148–162.
- Russkevich, Evgeniy A. 2019. *Criminal law and "digital crime": Problems and solutions*. Moscow, INFRA-M Publ. (In Russian)
- Russkevich, Evgeniy A. 2020. "Differentiation of responsibility for crimes committed with the use of information and communication technologies and problems of their qualification". Dr. Sci. diss., Moskovskii universitet Ministerstva vnutrennikh del Rossiiskoi Federatsii imeni V. Ia. Kikotia. (In Russian)
- Schwab, Klaus. 2018. *The fourth industrial revolution*. Rus. ed. Moscow, Eksmo Publ. (In Russian)
- Viano, Emilio C. 2016. "Cybercrime: Definition, typology, and criminalization". *Cybercrime, Organized Crime, and Societal Responses*, 3–22. Cham, Springer.

Received: January 29, 2021

Accepted: May 27, 2022

Authors' information:

Evgeniy A. Russkevich — Dr. Sci. in Law; russkevich@mail.ru

Andrey P. Dmitrenko — Dr. Sci. in Law, Professor; stvkup@yandex.ru

Nikolay G. Kadnikov — Dr. Sci. in Law, Professor; krim-pravo@yandex.ru